

В.В. ЩЕГЛОВ

(Волгоград)

ГЛОБАЛИЗИРУЮЩИЙСЯ МИР И КУЛЬТУРА

С позиций системного подхода рассматривается влияние процесса глобализации на культуру. Вскрываются основные тенденции, определяющие характер современного мирового развития. Дается классификация способов понимания глобализации. Показаны позитивные следствия глобальных коммуникационных возможностей.

Ключевые слова: глобализация, интернационализация, глобальная миграция, единое мировое пространство, культурная коммуникация.

Соотношение процессов глобализации и культуры в литературе рассматривается довольно активно, но при этом часто недооценивается универсализм глобализации. Например, С.С. Чистякова пишет: «Глобализация – это тенденция к универсализации культурного развития и к росту (многообразия) его форм. Взаимодействие этих тенденций определяет характер современного мирового развития, его неоднозначность и сохранение альтернативности выбора для каждого народа и культуры. Глобализацию можно определить как процесс универсализации жизни человека, отдельных государств и народов и всего человечества, конечной целью которого является повышение степеней человеческой свободы и увеличение многообразия человеческого бытия». Однако следом она заявляет, что проблема ценностей в контексте глобализации – одна из центральных проблем современной цивилизации. В условиях современной глобализации национальные культуры должны быть избирательны по отношению к заимствованным формам, способам мышления и ценностям культуры. Это будет служить тем селективным механизмом, который может обеспечить успешное их участие и жизнеспособность в глобальном пространстве [15].

К настоящему времени существуют десятки определений понятия «глобализация». В одних из них делается акцент на экономических и финансовых факторах, которые запустили процесс глобализации прежде всего на уровне международного раз-

деления труда*. Другие считают, что доминирующую роль в глобализации играют средства коммуникации, СМИ и электронная связь**. Довольно часто ответственность за развитие глобализации возлагается на политику самых развитых стран мира, прежде всего на «большую семерку»***. Встречается и мнение о том, что глобализация – закономерный этап в культурно-историческом развитии человечества****. Однако, пожалуй, большинство исследователей стараются осмыслить проблемы глобализации комплексно. Приведем в связи с этим определение глобализации, данное профессором Н.С. Кирабаевым. «Глобализация – это процесс, отражающий развитие экономической и политической взаимосвязанности стран и регионов до такого уровня, на котором становится возможной и необходимой постановка вопроса о создании единого мирового правового поля и мировых органов экономического и политического управления» [8, с. 15].

По причине многообразия и даже противоречивости подходов к определению понятия глобализации можно вслед за Е.Н. Устюговой [11] попытаться выделить то, что большинство из этих пониманий глобализации объединяет, выделить их общие черты. Во-первых, глобализация – это объективный естественно-исторический процесс, характеризующий внутренние потребности развития современной цивилизации, с наибольшей интенсивностью проявившийся в последние десятилетия XX – начале XXI в. Во-вторых, это системный процесс, проявляющийся в умножении и усложнении социальных связей, действие которого приводит к наднациональной и надгосударственной интеграции прежде всего в сфере экономики, техники и технологии, информации, политики, права, управления и возникновению в результате некой сложной систе-

* См., напр., [19]. Невзирая на то, что упомянутая работа называется «Конец национального государства», автор использует главным образом экономическую логику. Он говорит о «денационализации» экономики посредством господства транснациональных сетей производства, торговли и финансов. Довольно близкую позицию можно видеть на примере работы J.M. Guehenno [15].

** Данная тенденция прослеживается, например, в работе М. Кастельса [7].

*** В другой работе М. Кастельс писал: «Главными агентами в становлении глобальной экономики были правительства, особенно правительства стран «большой семерки» и их международные институты...» [5, с. 55].

**** К такому подходу склоняется, в частности, A. Giddens [16].

мы, которая начинает функционировать как единый мировой организм со своими структурами и институтами. В-третьих, в ходе этого процесса возникают затрагивающие основы существования человечества, локального социума и отдельного человека проблемы, решение которых невозможно усилиями отдельных стран (так называемые глобальные проблемы современности). В-четвертых, разрывание глобализации в современной цивилизации оказывает влияние не только на жизнь каждого отдельного общества (формирование новых потребностей, условий и форм коммуникации, ценностных ориентаций, форм и способов самоидентификации личностей и социальных групп), но и на образ жизни и менталитет каждого гражданина в отдельности. В-пятых, складываются особые отношения между глобализацией как качественной характеристикой уровня развития современной цивилизации и культурой. С одной стороны, появляются новые формы и способы функционирования культуры (новые технологии ее распространения, новые масштабы влияния одних культур на другие и т.д.), возникают предпосылки для содержательно-ценностных изменений внутри культуры, с другой – культура активно отвечает и сама начинает воздействовать на идущий цивилизационный процесс.

Глобализацию следует рассматривать как явно незаконченный процесс, соответственно, и воспринимать ее скорее как тенденцию, перспективу, а не как данную реальность. Тогда ее следует определить примерно так: глобализация – это объективный процесс сближения, интернационализации, взаимозависимости во всех сферах жизни стран и народов нашей планеты. При всей своей расплывчатости такое определение позволяет понять, что глобализационные тенденции – отнюдь не результат последних двух-трех десятилетий.

В последних научных работах история глобализации прослеживается на весьма больших исторических периодах. Так, В.Л. Иноземцев выделяет два совершенно различных этапа глобализации. Первый этап простирается с XVI в. по конец XIX – начало XX в. Этот этап исследователь называет «вестернизацией», т. е. развитием воздействия европейских государств на модернизационные процессы во всем мире. Несколько по-другому ученый оценивает глобализацию последних десятилетий, которую называет «американизацией» [4, с. 58–69]. «Отмечают обычно быстрый рост международной торговли, масштаб инвестиционных потоков, формирование все-

мирного информационного пространства – в общем, все большую открытость отдельных экономик. В то же время обращают внимание на становление неких глобальных институтов и практик, которые способствуют укреплению единства мирового сообщества. В результате спонтанный характер глобализации выводится, по сути, из подразумеваемой теоретиками бессубъектности этого феномена; рассматривая реально происходящие в мире процессы, обществоведы на редкость единодушно отказываются от анализа как заложенных в них причинно-следственных связей, так и их направленности. В результате современное обществоведение, по существу, отказывается от сколь-либо серьезных попыток вскрыть реальные движущие силы глобализации» (Там же, с. 59).

Практически все исследователи единодушны в том, что фундаментальным фактором развития глобализации является международный характер экономики и финансов. Международный банк реконструкции и развития представляет себе глобализацию как «увеличивающуюся экономическую взаимозависимость стран мира как следствие возрастающего объема и возрастающего многообразия международных перемещений товаров, услуг и интернациональных потоков капитала, а также все более быстрого и широкого распространения технологии» [24, р. 45]. Бывший глава Мирового банка Дж. Вулфенсон дает подобную же оценку процессов глобализации: «Глобализация делает из мира единое глобальное образование. Национальное и интернациональное сливаются. Вспомните последний финансовый кризис, СПИД, глобальное потепление. Быстрое развитие технологии изменяет наш стиль жизни и стиль ведения бизнеса. Наблюдается невиданный расцвет частного сектора – частные потоки капитала, например, в развивающиеся страны теперь как минимум в пять раз превышают западные правительственные источники финансирования этих стран. В бедных странах происходит быстрая урбанизация, появляется гражданское общество, развивается демократия – и власть постепенно переходит от центрального правительства на местный уровень. Страны, которые смогут воспользоваться этими тенденциями, совершат невиданный скачок вперед. Те страны, которые не хотят меняться, остаются в стороне от интеграции, деградируют. Их отсталость возрастет, их неравноправное положение по отношению к другим странам усугубится» (цит. по [3]).

Итак, первое, в чем просматривается глобализация, – это торговля. Торговая глобализация предполагает наличие всемирных рынков товаров и услуг. Подразумевается, что существует система, через которую торговля между двумя контрагентами может оказывать воздействие на торговые отношения других стран. Глобальная торговля порождает отлаженную систему обмена товарами и услугами на межрегиональном уровне.

По данным Дж. Сакс и А. Уорнер [20], доля национальных экономик, придерживающихся открытой торговой политики, составляет до половины населения мира и до двух третей ВВП мира. Данные показывают, что после Второй мировой войны повышение интенсивности торговых отношений движется к возможному максимуму [14]. Послевоенный рост торговли и либерализация международных торговых отношений являются беспрецедентными. В настоящее время мировая система торговли охватывает интенсивной сетью торговых отношений фактически все страны, открывая глобальные рынки для огромного числа товаров и услуг. Конечно, нужно учитывать, что этот переход к глобальным рынкам был обеспечен, в частности, существованием мировых транспортных и коммуникационных инфраструктур. Национальные рынки все сильнее переплетаются друг с другом.

Торговая глобализация – лишь одна сторона современной экономической глобализации. Однако даже она одна подразумевает существенный пересмотр понятия государственного суверенитета. И вместе с тем торговая глобализация оказывает все возрастающее влияние на индивидуальное самосознание. Человеку становится доступным все бесконечное многообразие товаров, производимых на мировом рынке (как материальных, так и духовных). И он сам, вне зависимости от гражданства, может предложить какой-либо продукт всему мировому сообществу, найти потребителя, коллегу или компаньона.

Параллельно торговой следует финансовая глобализация. Появление новых финансовых инструментов (дериваты, опционы, фьючерсы и т.п.), дерегулирование национальных финансовых рынков, развитие международных банков и других международных финансовых институтов породило работающую сейчас глобальную финансовую систему. Объем сделок по продаже и покупке валюты сейчас составляет в мире около 1,5 трлн долларов каждый рабочий день. Мировая торговля валютой и государственными ценными бумага-

ми означает, что валютные курсы и процентные ставки – две самые важные переменные, определяющие всю макроэкономическую политику государства, – становятся полностью зависимы от положения дел на глобальном финансовом рынке. Последний порождает серьезные системные риски. Задолго до финансового кризиса 2008 г. нобелевский лауреат по экономике Дж. Стиглиц писал так: «Глобализацию можно выстраивать так, чтобы раскрыть ее позитивный потенциал. Мы не можем повернуть колесо глобализации вспять – нам придется жить с ней. Вопрос в том, как ее выстроить, чтобы как можно больше людей в итоге извлекло максимум пользы, чтобы ее плоды распределялись более равномерно. Необходимо прежде всего коренная ревизия системы управления, т.е. руководящих и контролирующих структур международных экономических институтов. Для этого надо заново распределить голоса в МВФ и ВБ и сделать так, чтобы в ВТО были слышны не только голоса министров экономики, а в МВФ – министров финансов. Эффективное участие в принятии решений предполагает хорошую информированность представителей развивающихся стран» [11]. Отметим, что, говоря о глобализации вообще, экономист предлагает регулировать ее главным образом через международные финансовые инструменты.

Одновременно Стиглиц указывает на естественно-исторический характер глобализации. Ее невозможно отменить, да и нежелательно. Нам, т.е. всему человечеству, придется с ней жить. Глобализация многократно улучшила здравоохранение и определила рождение и развитие активного глобального гражданского общества, которое борется за укрепление демократии и социальной справедливости. Проблема не в глобализации, а в способе ее реализации. В работе, появившейся уже после мирового финансового кризиса 2008 г., Стиглиц настаивает на еще более жесткой и однозначной позиции: «В большинстве стран мира люди считают, что их правительство должно играть более значительную роль в экономике по сравнению с ситуацией, сложившейся в Соединенных Штатах. В нынешнем экономическом кризисе победителей, скорее всего, не будет. Зато уже есть проигравшие, и одним из наиболее пострадавших является капитализм в американском стиле, который в значительной степени потерял прежнюю поддержку. Последствия кризиса, которые могут быть ощутимы еще в течение долгого времени, скажутся и на содержании экономической

и политической дискуссии, проводимой в глобальных масштабах» [12, с. 267].

Помимо финансового, самый распространенный образ экономической глобализации – это транснациональные корпорации (ТНК), деятельность которых, конечно, оказывает влияние на финансовые рынки, но главным образом определяет процесс развития глобального производства. Для того чтобы представить масштабы распространения многонациональных корпораций в современном мире, достаточно нескольких цифр. По данным ежегодной конференции ООН по торговле и развитию (UNCTAD), на конец 1990-х гг. в мире насчитывалось 53 тыс. многонациональных корпораций, которым принадлежало 450 тыс. иностранных филиалов. Объемы продаж этих корпораций по всему миру за год составляли 9,5 трлн долларов в год [22].

Сравнительно небольшое количество транснациональных корпораций господствует на мировых рынках нефти, газа, полезных ископаемых, продуктов питания, сельскохозяйственной продукции. Лишь около ста корпораций играют ведущую роль в процессе глобализации обрабатывающей промышленности и сферы услуг.

В достаточной степени распространена и другая позиция: «Глобализация представляет собой результат не только техноэкономического развития, но и политики <...> ни новые технологии, ни бизнес сами по себе не могли создать глобальную экономику. В этом деле <...> в качестве важных агентов выступили правительства стран “большой семерки” и контролируемые ими международные институты – Международный валютный фонд, Всемирный банк и Всемирная торговая организация» [2, с. 31]. Тот же М. Кастельс утверждал, что основы глобализации были заложены проводимой ведущими мировыми государствами и организациями политикой в духе требований так называемого Вашингтонского консенсуса, т.е. политикой дерегулирования, либерализации и приватизации [6, с. 75].

Понятно, что самое большое влияние ТНК оказывают на интернационализацию мирового производства и предоставления многообразных услуг. Значит, вроде бы, их можно рассматривать как форму бизнеса, который распространяется по всем странам, регионам и континентам. Однако здесь есть определенная специфика. М. Уилкинс пишет об этом так: «Многонациональная компания <...> простирается далеко за пределы своей родины, продолжая при этом оставаться в той стране, в кото-

рой расположена ее штаб-квартира, поскольку охватывает громадное количество стран, в которых разворачивает свои действия. За пределами политических границ (как своей страны, так и стран, где она развернула действия) она распространяет весь свой пакет: менеджмент, управление, организационные возможности... Многонациональная компания основывает, приобретает сеть взаимосвязанных предприятий и управляет ею» [23, р. 24–25].

С одной стороны, эти глобальные сети производства и распределения приводят к тому, что огромные ТНК управляют деловой активностью во многих странах мира через свои заводы, филиалы, магазины и т.п., с другой – сейчас многие ТНК переводят свое производство в зарубежные малые и средние предприятия, обеспечивая получение такой же высококачественной, но значительно более дешевой продукции. Значит, в результате создаются системы или сети глобального производства и распределения не столько на основе прямой собственности, сколько на регулируемых договорных отношениях. Из изложенного ясно, что непосредственно вслед за глобализацией производства товаров и услуг следует специфическая форма глобализации – глобальная миграция в ее современном виде. Нельзя сказать, что по масштабам она превосходит миграцию, которая была характерна для более ранних исторических эпох, но сейчас миграция обретает новые черты, непосредственно связанные с глобализацией.

Однако влияние миграции населения не сводится только к воздействию на рынки труда. Необходимо также будет учесть то, что, мигрируя, люди переносят с собой свои культуры. Появление миграционных общин, поселений, диаспор в конце концов приводит к формированию совершенно новых социальных отношений: 1) между соотечественниками, оставшимися на родине, и эмигрантской общиной; 2) социально-культурных отношений между эмигрантами и коренным населением. Создание иммигрантских общин, сохраняющих или даже не сохраняющих тесные связи с их прежним местом жительства, порождает и постоянно преобразует совершенно новые модели культурного влияния, социально-национальной идентификации и т.п. Наличие иммигрантского сообщества неизбежно ставит вопрос о сравнении и контрасте иммигрантских культур с культурой коренного населения. Другими словами, миграция людей обязательно сопровождается миграцией новых идей, религий, верований и их

последующей трансформацией в процессе взаимодействия с другими культурами.

Из всех последствий глобальной миграции наиболее очевидными являются демографические, меняющие состав и размер населения как страны отправления, так и принимающих стран. Эти последствия для современных развитых капиталистических государств часто оцениваются как просто катастрофические [1]. По мнению американского публициста П. Бьюкенена, к началу XXI в. количество населения США, родившегося за их пределами, или некоренных американцев, уже перевалило за 30 млн. Каждый год в США приезжает около миллиона официальных иммигрантов. К ним надо добавить почти полмиллиона незаконных иммигрантов, которых сейчас в стране насчитывается около 9 млн (Там же). По данным общенациональной переписи населения США, в 2000 г. национальные меньшинства уже составляют 30% общей численности населения страны [2, с. 81].

Во всяком случае понятно, что для развитых стран мира сдвиг потоков миграции имеет далеко идущие последствия, совсем не похожие на последствия миграций более ранних эпох. Если до начала XX в. поток миграции шел из центра на периферию (из Европы в развивающиеся страны, в США и т.д.)*, то экономическая глобализация полностью поворачивает его вспять. В развитых странах это создает проблемы уровня и предоставления услуг по социальному обеспечению, в области жилья и образования, да и функционирования самой экономики.

Для формирования и развития всех вышеперечисленных сторон глобализации большое значение имеет становление в последние десятилетия единого мирового пространства и единого информационно-телекоммуникационного пространства. Почти все средства транспорта и средства коммуникации появились раньше современного этапа глобализации, но на этом этапе они начинают играть несколько иную роль, позволив решить задачу создания единого мирового пространства. Можно сказать, что в основном они «замкнули» земное пространство, превратив природные факторы из стратегических для их преодоления (в коммуникационном отношении) в тактические. Если на предыдущих этапах гло-

бализации, а точнее регионализации, национальные государства решали на основе технических достижений в средствах транспорта (автомобили, железная дорога, авиация и др.) свои внутренние задачи, в частности задачи национальной безопасности, то в последние десятилетия достижения в развитии средств коммуникации решают качественно отличные задачи, влияющие на все страны мира. Например, развитие авиации внесло существенные изменения в представления (разграничение) морских и сухопутных держав. Появление стратегического ядерного оружия фактически устраняет фактор неуязвимости той или иной страны из-за ее удаленности или какой-либо изолированности.

«Проницаемость» границ национальных государств явственно увеличивается с помощью средств экономической коммуникации: активно строятся коммуникационные (транспортные) коридоры «Север – Юг», «Запад – Восток», распространяющиеся на целые континенты и даже более. Обеспечением информацией о погоде, стихийных бедствиях, навигацией занимаются многочисленные спутниковые системы.

Концентрирующиеся и удлиняющиеся сети автомобильных, железнодорожных дорог, водных путей и авиационных трасс дают основание говорить о формировании глобальной пространственной инфраструктуры мирового сообщества. Однако, может быть, еще более важное значение имело формирование единого информационного пространства. Именно в последние десятилетия происходит взрывное внедрение информационных и телекоммуникационных технологий в мировое сообщество. Массовая компьютеризация способствует возникновению и развитию разветвленных электронных сетей во всемирном масштабе. Если добавить сюда телевизионные, спутниковые, кабельные средства связи, то легко констатировать, что изменился сам характер массовых коммуникаций. При этом заметим, что новые глобальные системы коммуникации во многом работают вне зависимости от государственного контроля и, что особенно важно, не поддаются в значительной мере политическому контролю со стороны национального государства.

Французский социолог С. Московичи в связи с процессами информационной и культурной глобализации вводит в научный оборот термин *глобализация масс*. Нам кажется, что он носит у автора очень двойственный характер: с одной стороны – «масса», «толпа»,

* В 1880–1920 гг. около 30 млн европейцев эмигрировали в Южную и Северную Америку и в Австралию, а общий объем обратного потока миграции в послевоенные годы в развитые капиталистические страны составил более 100 млн чел. [18].

с другой – наднациональная масса, а значит, надгражданственная, надидеологическая, надкультурная. Что же в этой толпе массовидного? Что делает ее массой или толпой? Посмотрим, что пишет по этому поводу Московичи. «Разрыв социальных связей, быстрота передачи информации, непрерывная миграция населения, ускоренный и раздражающий ритм городской жизни создают и разрушают человеческие сообщества. Будучи разрозненными, они воссоздаются в форме непостоянных и разрастающихся толп» [10, с. 21]. Значит, эти непостоянные человеческие сообщества побуждают людей жить и потреблять однотипным образом, но в то же время проникают в сокровенные глубины частной жизни личности некими не национальными (не патриотическими, в частности), не локально-культурными и др. средствами.

Начать следует, скорее, с позитивных сдвигов, которые порождают глобальные коммуникационные возможности. Они способствуют невиданному расширению социально-мировоззренческих горизонтов народов и отдельных людей в любой части планеты, позволяют получить доступ (не ограниченный географическими рамками) к социальному, культурному и другому опыту любого народа мира. Да, что-то эти средства и разрушают, но одновременно дают практически каждому человеку новые формы восприятия мира, другие стили жизни, другие стереотипы и конструкты и т.д. К.С. Гаджиев пишет о том, что глобальные системы коммуникации уничтожают любые «преграды для осуществления экономической, культурной, экологической, политической или иной деятельности. Несомненно, это затрагивает местные, национальные и региональные стили жизни людей, углубляет эрозию национальной идентичности и приверженности местным, страновым, этническим, национальным началам. Все подобные процессы и феномены воспитывают у людей чувство принадлежности к глобальному сообществу» [2, с. 62].

Для темы культурной глобализации значим, например, такой факт: местная традиция, бытовавшая в Гане (изготовление гробов в виде курицы, крокодила и т.п.), через Интернет привлекает внимание людей во всем мире: поступают заказы на гробы в форме небоскребов, полицейских и т.п., об этой традиции снимается фильм для всемирной трансляции и т.д. Последнее демонстрирует культурное влияние не от центра к периферии, а напротив – от периферии к центру.

В этом плане нельзя избежать, хотя бы и в довольно поверхностном плане, темы культурной глобализации. В поверхностном потому, что культурная глобализация менее всего подвластна измерению. Например, гиперглобалисты считают, что в перспективе предстоит гомогенизация культурного мира под сенью американской массовой культуры или западной потребительской культуры в целом. При этом основным доказательством является, собственно, только ее широкое распространение и не затрагивается вопрос о том, что она, собственно, собой представляет. Если присмотреться повнимательнее, то станет очевидным, что сама американская массовая культура аккумулирует в себе достижения других культур, культурных эпох и т.д. Например, в своей весьма содержательной работе, посвященной анализу кино, российский исследователь В. Куренной один из разделов называет «Картезианский боевик». Раскрывая структуру самых массовых боевиков («Коммандос», «Захват», «Захват-2» и др.), он делает вывод о том, что «эти фильмы являются визуализацией радикального философского размышления Рене Декарта» [9, с. 35]. Аналогом картезианского Бога в рассматриваемом типе массового кино выступают Закон и Общество – два предельных и взаимосвязанных понятия в американском боевике вообще: «...в случае картезианского боевика мы имеем дело с философски отрефлексированной социокультурной моделью поведения, упакованной в структуру продукта массового потребления» (Там же, с. 48).

Несомненно, что в современном мире целый ряд технологических и институциональных преобразований изменил соотношение между глобальной культурой и культурами национальными. Современные технологии телекоммуникаций и существование ТНК, которые распоряжаются средствами массовой информации, наряду с другими глобальными факторами породили глобальные культурные потоки. Эти потоки превосходят все, происходившее в предыдущие культурные периоды, по интенсивности, размаху, разнообразию и скорости распространения. Тем самым брошен вызов центральному положению национальных культур, национальных идентичностей и их институтов. Заметим, что вызов этот исходит не только от продукции массовой культуры, но и от диффузного и двусмысленного культурного поля потребления, поэтому очень сложно правильно интерпретировать влияние культурной глобализации на по-

литические идентичности, гражданскую солидарность, национальные культурные ценности и т.д. В первую очередь можно утверждать достаточно определенно, что культурная глобализация решительно изменяет контекст, в котором происходят воспроизводство и развитие национальных культур, радикально меняет средства, с помощью которых это осуществляется, но ее конкретное влияние на характер и эффективность механизмов национальных культур (власть и влияние их идей, ценности, содержание) сейчас еще очень трудно определить. Кроме того, в последнее десятилетие возникают все более регулярные сомнения в однозначности преобладания воздействия глобальной культуры на культуры национальные или локальные. Упомянутый уже нами американский социолог Робинсон даже ввел специальный термин – *глокализация*. Глокализация, в принципе, должна описывать противоречивый процесс взаимодействия разнонаправленных культурных потоков: глобализации и локализации.

Для описания процесса глобализации культуры больше всего подходит операциональное определение культуры и культурных коммуникаций [21]. С этой точки зрения культура выступает как жизненный и творческий опыт индивида, а также как совокупность артефактов, текстов и предметов; она будет включать в себя профессиональные дискурсы об искусстве и т.п., материализованную продукцию культурной индустрии, спонтанные выражения культуры в повседневной жизни и достаточно сложные взаимодействия всех перечисленных компонентов. Культурная же коммуникация в контексте определения культуры означает те способы, с помощью которых эти артефакты, представления и идеи перемещаются во времени и пространстве. Идеи и значения могут записываться, сохраняться и воспроизводиться. Для этого необходима физическая возможность переносить и передавать их в другое место или в другое время, а значит, должны существовать способы хранения, передачи и приема информации и соответствующие социальные институты, обеспечивающие возможность этих процессов. В таком случае о глобализации культуры можно говорить там и тогда, где и когда появляются инфраструктура и институты передачи, воспроизводства и восприятия культуры в глобальном масштабе. Если, допустим, речь идет о телевидении, то сюда должны входить развитый международный рынок телевизионных программ, межнациональные компании по производству и распространению телепрограмм, транснацио-

нальные системы вещания (спутникового), телевизионные установки во всем мире, регулирующие порядок вещания и т.д.

Именно современная культурная глобализация содержит несколько такого рода параметров: новые глобальные инфраструктуры беспрецедентного масштаба, которые обеспечивают большие возможности проникновения элементов той или иной культуры через границы государств, сюда же следует отнести и радикальное снижение стоимости их использования; рост объема, скорости и интенсивности их использования; увеличение коммуникаций в культурном бизнесе как основное экономическое содержание глобального культурного взаимодействия; преобладание многонациональной индустрии культуры и т.п.*

Радио, кино, телевидение, музыка радикально меняют тот культурный контекст, в рамках которого, казалось бы, должны происходить любые национальные культурные проекты. Однако все не так просто. Зарождающийся культурный космополитизм, который отбросил бы идею нации как первичной политической и культурной общности, не показал своей живучести в рамках мультикультурализма и, в частности, в рамках такой культурной общности, как Европейский Союз. И это произошло, невзирая на примерно сорок лет активной пропаганды общеевропейских ценностей.

Литература

1. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. М., 2003.
2. Гаджиев К.С. Геополитические горизонты России (контуры нового миропорядка). М.: Экономика, 2007.
3. Гавров С. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. URL : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/gavr/04.php.
4. Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация // Вопр. философии. 2004. № 4. С. 58–69.
5. Кастельс М. Глобальный капитализм // Экон. стратегии. 2000. № 5.
6. Кастельс М. Глобальный капитализм и новая экономика: значение для России // Постиндустриальный мир и Россия. М., 2001.
7. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2002.
8. Кирабаев Н.С. Культурная идентичность, плюрализм и глобализация в современном философском дискурсе // Культурная идентичность и глобализация: докл. и выступления. 5-й Междунар. филос. симпозиум «Диалог цивилизаций: Восток–Запад». г. Москва, 27–28 апр. – 4–5 мая 2001 г. М., 2002.

* Более подробно статистические данные можно посмотреть в работе Хелд Д. и др. [14, с. 391–441].

9. Куренной В. Философия фильма: упражнения в анализе. М. : Нов. лит. обозрение, 2009.

10. Московичи С. Век толп. М., 1996.

11. Стиглиц Дж. В тени глобализации // Порталус: науч. онлайн-библиотека. URL : http://www.portalus.ru/modules/ruseconomics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1130411232&archive=1254312998&start_from=&ucat=12&.

12. Стиглиц Дж.Е. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / пер. с англ. В. Лопатка М. : Эксмо, 2011.

13. Устюгова Е.Н. Глобализация и культура // Глобализация и культура: аналитический подход. СПб. : Янус, 2003. С. 25–46.

14. Хелд Д. [и др.]. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / пер. с англ. В.В. Сапова [и др.]. М. : Праксис, 2004.

15. Чистякова С.С. Глобализация культуры: генезис, типология, современные смыслы : дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2007.

16. Giddens A. Globalisazion: a keynote adress'. UNRISD News. 1996. № 15.

17. Guehenno J.M. The End of the Nation-State. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1995.

18. Mitchell B. International Historical Statistics: Europe/ London: Macmillan, 1992.

19. Ohmae K. The End of the Nation State. N. Y: Free Press, 1995.

20. Sachs J., Warner A. Economic reform and the process of global integration // Brookings Papers on Economic Activity. 1995. № 1.

21. Thompson J.B. Ideology and Modern Culture. Cambridge: Polity Press, 1990.

22. UNCTAD. World Investment Report 1998: Trends and Determinants. Overview, N. Y.: United Nations. URL : www.unctad.org.

23. Wilkins M. Comparative hosts // Business History, 36. P. 24–25.

24. World Economic Outlook. Washington D.C., 1997.

Globalized world and culture

From the positions of the systemic approach there is considered the influence of the process of globalization on culture. There are revealed the main tendencies that determine the character of the modern world development. There is given the classification of the ways of understanding of globalization. There are shown the positive consequences of the global communication potential.

Key words: *globalization, internationalization, global migration, united world space, cultural communication.*

И.А. ПЕТРОВА, Е.В. КОМИССАРОВА
(Волгоград)

«ЭТНИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ» В КОНТЕКСТЕ КАТЕГОРИИ «ВРЕМЯ» В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Описана эволюция философских взглядов на время. Раскрываются такие современные категории, как социальное и этническое время, которые в методологическом плане могут быть плодотворны в изучении параметров исторического, социального и культурного развития общества.

Ключевые слова: *этнос, этническое время, социальное время, история философии.*

Начиная с мыслителей Древней Греции, философская мысль, занимаясь проблемой времени, расчленяет его на три состояния (прошлое, настоящее, будущее) и связывает события социальной жизни с одним из этих состояний. В наибольшей степени это относится к истории. Как отмечает современный автор, «...историк ни на минуту не может выйти за пределы исторического времени. Время липнет к его мысли, как земля к лопате садовника» [2, с. 134].

К проблеме времени обращались многие античные мыслители. Анализируя время, Платон использовал два термина: *эон* (вечность) и *хронос* (время). Он утверждал, что бог «замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности; строя небо, он вместе с ним творит для вечности, пребывающий в едином; вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем» [7, с. 421]. Различия между *эоном* и *хроносом* рассматриваются также Плотиним. Плотин следующим образом определял время: «Под временем подразумевают или то, что называют движением, или отношение движения» [8, с. 74]. Время непрерывно «поглощает» настоящее, превращая его в прошлое. В античной мифологии этот процесс олицетворялся в образе Кроноса, пожирающего своих детей. У древних римлян рядом с собственно богом времени Сатурном (римляне отождествляли его с греческим Кроносом) почитался бог начал и концов Янус. Два лица Януса символизировали знание прошлого и будущего.

Много внимания уделил проблеме времени Аристотель. Она исследуется им в «Физике», «Метафизике», логических сочинениях. Если суммировать высказанные им поло-